

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Т. И. ГРУНИН

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(На материалах турецкого языка)

1

Проблема классификации словаря тюркских языков по частям речи лишь в последнее время вызвала заслуженный интерес в кругах тюркологов СССР. Однако специальных работ по вопросу о частях речи в тюркских языках появилось весьма мало. Судя по обзорной статье Э. В. Севортыяна, эта проблема как будто не разрабатывалась даже в качестве диссертационных тем аспирантами и докторантами, работающими в области тюркологии¹.

Конечно, все авторы грамматик тюркских языков в той или иной мере касаются проблемы частей речи в тюркских языках, но всюду наблюдается тенденция разрешить ее с позиции русского языка и тем самым облегчить понимание строя языка русскими читателями. Своеобразную, хотя и известную уже науке точку зрения высказал Г. Д. Санжеев в своей статье «К проблеме частей речи в алтайских языках»², где автор стремится разрешить вопрос о частях речи в алтайских языках, включая и тюркские, с учетом специфики строя этих языков.

Этой проблеме были посвящены доклады Э. В. Севортыяна и Н. А. Баскакова, зачитанные ими в июне 1954 г. на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов³. Хотя вопрос о частях речи в тюркских языках в этих докладах и не был разрешен, все же в них были вскрыты основные ошибки в методологических приемах при изучении этой проблемы и сделаны попытки выдвинуть новые критерии распределения словаря тюркских языков по частям речи. Однако попытки эти не привели к единому мнению хотя бы о том, что считать критерием для определения категории прилагательных в тюркских языках. Можно ли, например, форму слова считать решающим критерием при отнесении его к категории прилагательных или же этот признак только помогает разрешению вопроса.

¹ См. Э. В. Севортыян, Советская тюркология в последискуссионные годы, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 6. Э. В. Севортыян почему-то не упомянул о таких кандидатских диссертациях, как «Категория имени прилагательного в современном казахском языке» Дж. Чекенова (Алма-Ата, 1953) и «Имя прилагательное в современном киргизском языке» Б. Д. Уметалиевой (М., 1953).

² ВЯ, 1952, № 6.

³ См. «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 г.», М., 1954.

Некоторые тюркологи полагают, что в современных тюркских языках наметилась тенденция к возникновению имен прилагательных, отличающихся от прочих частей речи формальными признаками, т. е. наличием специальных аффиксов, дающих возможность рассматривать эти слова как имена прилагательные. При этом имеют в виду не те исконно существующие в тюркских языках аффиксы, посредством которых образуются слова, имеющие в какой-то мере сходство с именами прилагательными, например, русского языка, а новые, заимствованные из других языков. К числу таких аффиксов относят, например, аффиксы *-аль*, *-ик*, *-ион* в словах *социаль* «социальный», *астрономик* «астрономический», *информацион* «информационный» и т. п., широко используемые тюркоязычными народами СССР. Однако в отношении слов *социаль*, *астрономик*, *информацион* и им подобных следует сказать, что они осознаются как имена прилагательные не по формальному признаку (аффиксам *-аль*, *-ик*, *-ион*), а в целом, как заимствованные прилагательные, так же, как во многих тюркских языках до сего времени находятся в употреблении заимствованные из арабского языка прилагательные на *i*. Известно, однако, что аффикс *i* не используется как средство для образования имен прилагательных от слов тюркского происхождения, вследствие чего количество прилагательных на *i*, ранее заимствованных из арабского языка, не увеличивается, а даже уменьшается.

Количество прилагательных на *-аль*, *-ик*, *-ион* в тюркских языках СССР, конечно, будет расти, но не за счет образования посредством этих аффиксов прилагательных от тюркских слов, а за счет заимствования готовых слов через посредство русского языка в связи с культурным ростом тюркоязычных народов СССР.

Как известно, в Турции делались попытки оживить давно омертвевший аффикс *-al* (*-el*, *-l*) для образования прилагательных типа *kültürel* «культурный», *siyasal* «политический» и т. п. Эта попытка не нашла поддержки в широких кругах турецкой общественности, и в настоящее время новые прилагательные на *-al* не появляются.

Какие пути морфологического развития категории имен прилагательных в тюркских языках окажутся наиболее продуктивными в будущем, пока что сказать трудно. Одно ясно: каждый тюркский язык будет развиваться по собственному пути, который в конечном счете будет определен исторической судьбой народа, говорящего на данном языке.

2

Некоторые тюркологи считают, что и м е н а вне контекста не могут быть отнесены ни к одной категории слов¹ и выделяют тем самым г л а г о л в особую неизменную категорию. Вместе с тем во всех грамматиках тюркских языков выделяется группа слов, именуемая прилагательными, часто с оговоркой, что эти слова, наряду с основной функцией выражения определения, могут быть также и другими членами предложения² (имеется в виду субстантивизация имен прилагательных — явление, свойственное, например, русскому языку; ср. *белые*, *красные* и т. п.).

Большую часть слов, относимых к категории имен прилагательных, составляют слова, имеющие определенный формальный показатель, т. е. аффикс, посредством которого от именных или глагольных основ образуются новые слова, близкие по значению к именам прилагательным. Мы говорим б л и з к и е, потому что, как нам кажется, ни один аффикс, на-

¹ См. А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка, М.—Л., 1941, стр. 38.

² См. Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 69.

пример в турецком языке, не может служить средством образования имен, равных по значению именам прилагательным другого языка. Такой, например, общетюркский аффикс, как *-li* (*-li*, *-lu*, *-lü*), в турецком языке используется для образования отименных и глагольных основ категории слов, имеющих лишь приблизительное сходство с именами прилагательными.

Используемые как определения, слова с аффиксом *-li* всегда вносят характерный оттенок обладания именем-определяемым тем, что означает основа имени на *-li*. Такого свойства прилагательные, например, русского языка не имеют. Поэтому имена на *-li*, выступая в качестве определения, требуют, чтобы определяемое имя по своей семантике допускало обладание тем, что означает основа имени на *-li*. Так, имя на *-li* от *akıl* «ум» — *akıllı* может выступать как определение только перед такими словами, семантика которых допускает обладание умом. Поэтому сочетание *akıllı adam* «умный человек» возможно, но *akıllı hareket* «умный поступок» невозможно, так как поступок не может обладать умом.

То же можно сказать и об именах с аффиксом *-siz* (*-siz*, *-suz*, *-süz*), используемых со значением, обратным именам на *-li*, т. е. содержащих указание на отсутствие у определяемого имени того, что означает основа имени на *-siz*. Поэтому допустимо сочетание *akılsız adam* «неумный, глупый человек», но не допустимо *akılsız hareket* «неумный, глупый поступок».

Аффикс агентивности *-cı* (*-ci*, *-cu*, *-cü*, *-çi*, *-çi*, *-çu*, *-çü*) также используется для образования имен, могущих выступать в значении прилагательных. Однако значение имени на *-cı* как прилагательного устанавливается не аффиксом *-cı* и даже не синтаксической его функцией как определения, а так же, как и имен на *-li*, семантикой сочетающихся слов. Именно поэтому можно сказать *inkılâpçı talebeler* «революционное студенчество», но нельзя сказать *inkılâpçı hareket* «революционное движение».

Далее, именное образование на *-lik* (*-lik*, *-luk*, *-lük*) в значении имен прилагательных употребляются лишь в том случае, если определяемое имя предназначается для того, что означает основа имени на *-lik*. Следовательно, функция аффикса *-lik* в образовании имен, способных выступать как прилагательные в качестве определения, весьма ограничена. Основой для образования подобного рода прилагательных обычно служат имена, означающие отрезок во времени или пространстве, сами же прилагательные обычно сопровождаются именем числительным, как, например, *beş senelik plân* «пятилетний план» (буквально: «план, рассчитанный на пять лет»), *yazlık kumaş* «летний материя» (буквально: «материя, предназначенная на лето») и т. п. Такие образования, как *satılık* «продажный, предназначенный на продажу», *kiralık* «сдаваемый в аренду», в современном турецком языке весьма редки, что свидетельствует о незначительной продуктивности аффикса *-lik* в образовании имен прилагательных.

Аффиксы, употребляемые в турецком языке для образования имен от глагольных основ, тоже имеют свою специфику. Так, например, аффикс *-ik* (*-ik*, *-uk*, *-ük*; *-ek*, *-k*) используется для образования как имен прилагательных, так и существительных. Значит, в этом отношении он не выполняет какой-то специальной функции. Зато при образовании прилагательных от основ переходных глаголов он придает этим основам пассивное значение, как, например, *kır-ık* «сломанный, разбитый» (от *kırmak* «ломать, разбивать»), *boz-uk* «испорченный» (от *bozmak* «портить») и, наоборот, основам непереходных глаголов он придает активный характер, например: *titre-k* «дрожащий» (от *titremek* «дрожать»), *kork-ak* «боящийся, трусливый» (от *korkmak* «бояться») и т. п.

То же можно сказать и об аффиксе *-kın* (*-kin*, *-kun*, *-kün*; *-gın*, *gin*, *-gun*, *-gün*), например: *ger-gin* «натянутый» (от *germek* «натягивать»), *ol-gun* «созревший» (от *olmak* «зреть») и т. п.

Здесь мы не будем перечислять все аффиксы, которые используются в турецком языке для образования новых имен от именных и глагольных основ, и характеризовать их специфические свойства. Многие из них служат средством для образования от именных и глагольных основ таких слов, которые принято считать производными именами существительными в силу их особых функций в предложении, хотя известно, что функции слов в предложении могут быть различными, а это означает, что не всякая функция слова в предложении может быть принята как критерий отнесения его к категории существительных.

Перечисленные выше отыменные и отглагольные образования мы отнесли к категории прилагательных как по формальному признаку, так и потому, что взятые вне связи с другими словами они вызывают в сознании в первую очередь представление о признаке. Однако ни формальный признак слова, ни вызываемое им представление не могут окончательно решить вопрос о его грамматической категории. Например, слова *köylü*, *şehirli*, *inkılâpçı*, *korkak* означают не только «деревенский», «городской», «революционный», «трусливый», но и «крестьянин», «горожанин», «революционер», «трус». Причем последнее значение этих слов не является результатом их субстантивизации как имен прилагательных, так как они в одной и той же функции в предложении ведут себя по-разному (ср. *köylü hastalar* «деревенские больные» и *köylü kıızı* «крестьянская дочь, дочь крестьянина», *inkılâpçı talebeler* «революционное студенчество» и *inkılâpçı fikri* «революционная мысль» и т. д.), т. е. сочетаются с определяемым различными способами. Но если бы мы слова *köylü*, *inkılâpçı* в словосочетаниях *köylü kıızı* «крестьянская дочь», *inkılâpçı fikri* «революционная мысль» отнесли к категории имен существительных только потому, что они вызывают необходимость оформления предложения определяемого аффиксом *-ı*, что не имеет места в словосочетаниях *köylü hastalar* «деревенские больные», *inkılâpçı talebeler* «революционное студенчество», то мы допустили бы ошибку, так как эти слова в обоих словосочетаниях являются выразителями признака и не могут быть носителями его, а следовательно, и не являются именами существительными.

Однако следует сказать, что в языке образования на *-lı*, *-cı*, *-sız*, *-lik* и др., если они выступают не как определения, весьма часто осознаются как имена существительные и как таковые сами могут быть носителями признака.

Можем ли мы все-таки считать именные образования на *-lı*, *-sız*, *-cı*, *-lik* и др. именами прилагательными? На этот вопрос, нам кажется, следует дать положительный ответ в том случае, если подобные имена в первую очередь вызывают представление о признаке, а не о носителе признака. На этом основании мы вправе отнести к категории прилагательных и такие слова, которые, обозначая признак предмета, по форме ничем не отличаются, например, от имен существительных, т. е. слов, обозначающих предмет.

Так, например, слова *kalin* «толстый» и *kadın* «женщина», *mavi* «голубой» и *kedi* «кошка» по морфологическим признакам не дают основания отнести их к различным частям речи. Но в нашем сознании *kalin* «толстый» и *mavi* «голубой» вызывают представление о признаках, а не о предметах, тогда как *kadın* «женщина» и *kedi* «кошка», наоборот, в первую очередь вызывают представления о предметах, а не о признаках.

Некоторые производные слова, как, например, *küçük* «маленький», *büyük* «большой» и т. п., формально ничем не отличаются от *biçak* «нож», *çocuk* «ребенок» и т. п., однако первые осознаются как выразители признаков, а вторые — предметов.

И все же делать вывод о грамматической категории того или иного слова

лишь на основании вызываемого им в сознании представления было бы ошибочно, ибо слово в сознании может представлять и предмет, и признак. Так, *köylü*, ассоциирующееся обычно с понятием «крестьянин», может вызывать представление и о признаке («деревенский»), *soğuk* и *sıcak* наряду с «холод», «тепло» означают также «холодный», «теплый». Даже такие слова, как *kadın*, *kedi*, *çocuk*, которые изолированно осознаются как имена существительные, в языке все же могут выражать и признаки, т. е. выполнять функцию имен прилагательных.

Из сказанного следует, что и семантический критерий не может быть положен в основу отнесения того или иного слова к категории прилагательных, хотя значение его в этом весьма важно. Важность этого критерия подчеркивается еще и тем, что слова со значением качественного признака в предложении ведут себя отлично от других слов.

Качественные признаки, выражаемые этими словами, могут быть сравнимы, усилены или ослаблены как аналитическим, так и морфологическим способом. Так, от *büyük* «большой», *küçük* «маленький», *sarı* «желтый» мы аналитически можем образовать *daha büyük* «больше», *en büyük* «самый большой», *daha küçük* «меньше», *en küçük* «самый маленький», *daha sarı* «более желтый» и морфологически *büyücek* «довольно большой», *küçücük* «очень маленький», *sarımsı* «желтоватый» и т. п. Качественный признак, передаваемый подобными словами, может иметь свой признак, выражаемый особыми количественными наречиями, как, например, *şiddetli* «сильный», *çok şiddetli* «очень сильный», *tuzlu* «соленый», *az tuzlu* «мало соленый, малосольный», *geniş* «широкий», *iki misli geniş* «в два раза шире» и т. п. И, наконец, слова, передающие качественный признак, могут служить основой для образования качественных имен существительных посредством аффикса *-lık*: *büyüklik* «величие», *küçüklük* «мизерность», *sarılık* «желтизна» и т. п.

Все эти свойства дают нам основание отнести определенную группу слов к категории прилагательных, хотя следует сказать, что вопроса по существу они все-таки не решают, а лишь способствуют выяснению природы этих слов с иных позиций.

Основным критерием принадлежности слова к той или иной категории имен является сочетаемость слов в определительных словосочетаниях, причем решающим фактором выступает форма связи определения с определяемым.

Действующая на данном этапе развития турецкого языка система в одинаковой степени распространяется как на словообразование, т. е. на порядок следования аффиксов в слове, так и на словосочетание, т. е. на порядок следования компонентов в словосочетании (наиболее важный элемент и в словообразовании, и в словосочетании помещается постпозиционно по отношению к менее важному). В определительных словосочетаниях слово, означающее субстанцию, занимает место после слова, выражающего признак данной субстанции.

Таким образом, слово, какой бы частью речи оно ни являлось и какой бы признак оно ни выражало, в атрибутивных словосочетаниях всегда занимает место перед словом, носителем признака, т. е. определение всегда будет предшествовать определяемому¹. Это основное правило распространяется на все типы определительных словосочетаний. Однако эта сторона связи определения с определяемым сама по себе не вскрывает внутреннего содержания самого словосочетания и поэтому не может способствовать разрешению вопроса о категории имен прилагательных. Любое слово,

¹ За исключением тех случаев, когда говорящий желает привлечь внимание слушающего не к носителю признака (определяемое), а к его признаку (определение).

использованное в качестве определения, будет занимать место перед определяемым, но не каждое из них можно отнести к категории имен прилагательных. Слова, выражающие количественные, или местоименные признаки, или признаки действия (и состояния), должны рассматриваться как числительные, местоимения и причастия, а не как прилагательные, хотя, будучи использованы как определения, они тоже занимают место перед определяемым.

Наличие имен прилагательных в турецком языке можно установить только в результате анализа формальной связи компонентов определительных словосочетаний. По формальному признаку связи компонентов определительных словосочетаний можно разделить на три типа.

Первый тип характеризуется тем, что связь определения с определяемым формально ничем не выражена; она осуществляется аналитически на основе семантики сочетающихся компонентов и смыслового содержания всего словосочетания, например *sarı çiçek* «желтый цветок»; *altın saat* «золотые часы» и т. п. Этот тип определительных словосочетаний мы назовем аналитическим.

Формальным признаком второго типа является наличие аффикса *-i* (*-i*, *-u*, *-ü*), *-si* (*-si*, *-su*, *-sü*) при определяемом, посредством которого устанавливается синтетическая связь определяемого с определением, например *kadın robası* «женское платье», *ekmek fiyatı* «цена на хлеб».

И, наконец, третий тип словосочетаний характеризуется наличием двухсторонней формальной связи компонентов, выраженной аффиксом родительного падежа *-ın* (*-in*, *-un*, *-ün*; *-nin*, *-nün*, *-nün*, *-nün*) при определении, придающем ему possessивный характер, и аффиксом *-i* — *-si* при определяемом, который, как и во втором типе, является средством синтетической связи определяемого с определением, например, *kadının robası* «платье женщины». Этот тип словосочетаний мы считаем удобным назвать possessивно-синтетическим.

Наличие вышеописанных трех типов определительных словосочетаний, по нашему мнению, возникло на основе дифференциации слов по частям речи.

Слова *köylü*, *inkılâpçı*, *sarı*, *kalın*, *altın*, *ağaç*, которые имеют различные формальные признаки с точки зрения их морфологической структуры и взятые изолированно отражают в сознании то представление о признаке, то о предмете, или о том и другом, в определительных словосочетаниях при равных условиях, оказывается, ведут себя одинаково. Так, каждое из них может выступать в качестве определения в определительных словосочетаниях аналитического типа, например, *köylü hastalar* «деревенские больные», *inkılâpçı talebeler* «революционное студенчество», *sarı çiçek* «желтый цветок», *kalın kitap* «толстая книга», *altın saat* «золотые часы», *ağaç teneke* «деревянный ящик» и т. п.

Несмотря на то, что определения в этих словосочетаниях выражают постоянные, свойственные по природе признаки определяемого предмета, они могут быть разобщены с определяемым и перемещены. Разобщение возможно, например, путем вставки между сочетающимися компонентами слова *bir* с целью усиления признака, выраженного определением, например: *sarı bir çiçek* «очень желтый цветок», *kalın bir kitap* «очень толстая книга» и т. п. Перемещение же компонентов допустимо при изменении атрибутивной связи в предикативную, например: *hastalar köylü* «больные — деревенские», *talebeler inkılâpçı* «студенчество — революционное», *çiçek sarı* «цветок — желтый», *saat altın* «часы — золотые» и т. п.

Перемещение компонентов определительных словосочетаний аналитического типа и превращение атрибутивной связи в предикативную оказалось возможным благодаря отсутствию формальной связи между компонен-

тами, сама же формальная связь не нужна потому, что слова *köylü, inki-lârçı, sari, kalın, ağaç* в определительных словосочетаниях в одинаковой мере способны выражать признаки, и именно качественные признаки.

Многие тюркологи полагают, что такие словосочетания, как *altın saat* «золотые часы», *ağaç teneke* «деревянный ящик», допустимы потому, что первый компонент является названием материала, из которого сделано то, что означает второй компонент. Нам кажется, что это не совсем верно. Если допустить такое понимание подобных словосочетаний, то необходимо будет признать, что в сознании говорящего эти словосочетания вызывают представление о двух предметах, а именно: в *altın saat* о «золоте» и «часах», в *ağaç teneke* о «дереве» и «ящике». Если бы это действительно было так, то тогда допускалась бы возможность постановки определения перед каждым компонентом словосочетания, и таким образом возможен был бы разрыв словосочетаний¹.

Словосочетания же *altın saat, ağaç teneke* и т. п. не допускают разрыва путем вклинивания особых определений к *saat* или *teneke* и постановки определения к *altın* или *ağaç*. Это означает, что подобные словосочетания аналитического типа отражаются в сознании говорящего как представления об одном предмете с качественным признаком.

Поскольку всякое иное определение, поставленное перед определительным словосочетанием аналитического типа, будет выражать признак главного члена словосочетания, т. е. определяемого, тем самым устанавливается и грамматическая природа второстепенного члена словосочетания, т. е. определения как выразителя признака, а не носителя его. А так как в определительных словосочетаниях аналитического типа определение выражает только качественный признак, то любое слово, выступающее как определение в таких словосочетаниях, вне зависимости от его морфологической структуры и лексических особенностей, должно рассматриваться как имя прилагательное качественное.

3

В турецком языке формальный признак, как мы уже выше говорили, не может служить основным критерием отнесения слов к той или иной грамматической категории имен, а тем более к категории имен прилагательных качественных или относительных. Поскольку значение слова, как имени прилагательного качественного, раскрывается по его синтаксической функции определения в определительных словосочетаниях аналитического типа, то же слово как определение в словосочетаниях иного типа не будет именем прилагательным качественным.

Так, в словосочетании *köylü hastalar* «деревенские больные» слово *köylü* передает качественный признак, в сочетании же *köylü kıızı* «крестьянская дочь, дочь крестьянина» то же слово передает иной, не качественный признак. Это же можно сказать о словах *ağaç, altın* в словосочетаниях *ağaç teneke* «деревянный ящик» и *ağaç yaprakları* «древесный лист», *altın saat* «золотые часы» и *altın madeni* «золотая руда».

Таким образом, если в русском языке качественные и относительные прилагательные распознаются или в словосочетании, или по морфологическим признакам, в турецком языке качественное или относительное значение прилагательного распознается лишь по форме сочетания компонентов определительного словосочетания.

¹ Разрыв аналитических словосочетаний возможен только путем вставки *bir* с целью усиления качества, выраженного определением. В словосочетаниях же *altın saat, ağaç teneke* и т. п. вклинивание *bir* недопустимо потому, что слова *altın* «золотой» и *ağaç* «деревянный» выражают абсолютные признаки.

Значение относительного прилагательного слово приобретает в том случае, если определяемое определительного словосочетания оформляется аффиксом *-i* (*-si*), синтетически связывающим оба компонента словосочетания — носителя признака и признак — в одно неразделимое целое.

Выше мы говорили о таких словах, которые в словосочетании способны выражать и качественные, и относительные признаки. Разберем теперь такие словосочетания синтетического типа, как *kadın robası* «женское платье» и *ekmek fiyatı* «цена на хлеб». Обычно принято считать, что в определенных словосочетаниях синтетического типа определением выступает имя существительное неопределенное, а определяемое имя (существительное же) принимает местоименный притяжательный аффикс 3-го лица *-i* (*-si*). Последний из тюркологов, анализировавший этот тип словосочетаний (релятивный, как он его называет), С. С. Майзель, считает, что словосочетание *kadın şapkası* «женская шляпа» следует рассматривать как «женщина — шляпа + ее», хотя и признает, что подобного рода сочетания представляют «стойкое комбинативное сочленение»¹.

И действительно, компоненты словосочетаний *kadın robası* «женское платье», *ekmek fiyatı* «цена на хлеб» настолько тесно спаяны, что не допускают ни разрыва, ни изменения атрибутивной связи в предикативную, и нередко такие словосочетания передают значение одного слова, как, например, *binbaşı* (из *bin* «тысяча» и *baş* «голова») «майор», *ayakkabı* (из *ayak* «нога» и *kap* «футляр») «обувь» и т. п.

Учитывая эти особенности словосочетаний синтетического типа, нет оснований связывать эти словосочетания с категорией неопределенности и понимать указанные выше примеры как «платье какой-то неопределенной женщины» или «цена неопределенного хлеба».

Турецкие словосочетания *kadın robası* «женское платье», *erkek paltosu* «мужское пальто», *ev hayvanı* «домашнее животное» отличаются от соответствующих русских не по содержанию, а по форме выражения связи определения с определяемым. И если в русском языке эта форма связи осуществляется благодаря аффиксации определения, в турецком языке морфологический показатель связи аффикс *-i* (*-si*) принимает на себя определяемое. Именно благодаря тому, что аффиксом *-i* (*-si*) оформляется определяемое и тем самым устанавливается его синтетическая связь с предыдущим словом как определением, компоненты определительных словосочетаний синтетического типа невозможно перемещать, изменяя атрибутивную связь в предикативную.

Перемещение компонентов русских определительных словосочетаний «женское платье», «домашнее животное» и т. п. из атрибутивной связи в предикативную «платье — женское», «животное — домашнее» оказывается возможным потому, что формальная связь компонентов, выраженная аффиксацией определения, остается ненарушенной. Но если бы мы захотели так же переместить компоненты турецких словосочетаний *kadın robası* и *ev hayvanı* в виде *robası — kadın*, *hayvanı — ev*, получилась бы бессмыслица, так как аффикс *-i* (*-si*) связывает слова с предыдущими, а не с последующими словами.

Таким образом, совершенно одинаковые по своему смысловому содержанию русские словосочетания «женское платье», «домашнее животное» и турецкие *kadın robası*, *ev hayvanı* и т. п. отличаются друг от друга лишь по формальным признакам связи компонентов, в чем и заключается проявление сущности специфики русского и турецкого языков, характеризующей самобытность их развития.

¹ См. С. С. Майзель, Категория дефинитивности в турецком языке. Сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 179.

Что первый компонент определительных словосочетаний синтетического типа не является именем существительным (хотя бы и неопределенным), подтверждается и тем, что сам он, будучи выразителем признака, не может быть определяем. Ввиду этого всякое определение, поставленное перед синтетическим словосочетанием, будет относиться ко второму его компоненту, а не к первому, как, например, *yeni kadın robası* «новое женское платье», *yüksek ekmek fiyatı* «высокая цена на хлеб (высокая хлебная цена)» и т. п.¹

Из всего сказанного относительно определительных словосочетаний синтетического типа можно сделать вывод о том, что формальный показатель связи аффикс *-ı (-si)* при определяемом делает слово-определение выразителем конкретного признака, сама же форма связи предопределяет и характер признака, выражаемого определением.

В отличие от словосочетаний аналитического типа (*köylü hastalar* «деревенские больные», *büyük ev* «большой дом», *sarı çiçek* «желтый цветок», *inkılâpçı talebeler* «революционное студенчество», *altın saat* «золотые часы», *çelik irade* «стальная воля»), в коих определения выражают качественные признаки, в словосочетаниях синтетического типа [*köylü kıızı* «крестьянская дочь (дочь крестьянина)», *inkılâpçı fikri* «революционная мысль», *altın madeni* «золотая руда», *çelik fabrikası* «сталелитейный завод», *ekmek fiyatı* «хлебная цена (цена на хлеб)» и т. п.] определения никакого представления о качестве не вызывают; в этих словосочетаниях определения благодаря аффиксу *-ı (-si)* при определяемом превратились в выразителей конкретных признаков, а именно, относительных признаков.

Следовательно, любое слово, выступающее как определение в определительных словосочетаниях синтетического типа, будет выражать относительный признак, а поскольку само оно в таких словосочетаниях не может быть носителем признака (и, значит, не является субстанцией), оно должно быть отнесено к категории имен прилагательных относительных.

Нас, конечно, не должно смущать то обстоятельство, что определения многих синтетических словосочетаний не находят себе соответствия в русском языке в виде имени прилагательного. Так, например, турецкие словосочетания *imha muharebesi*, *hayat pahalılığı*, *sandaliye ayacı* по-русски передаются не как «уничтожающий бой», «жизненная дороговизна», «стульная ножка», а как «бой на уничтожение», «дороговизна жизни», «ножка от стула».

Даже целые синтетические определительные словосочетания могут выступать в качестве определений и, в зависимости от того, передает ли данное словосочетание качественный или относительный признак, оно сочетается с определяемым или аналитически или синтетически и, следовательно, должно быть отнесено к категории прилагательных качественных или относительных.

Такие словосочетания нередко и в русском языке передаются сложными прилагательными, как, например, *harpsonrası (hadiseler)* «послевоенные (события)», *milletlerarası (münasebetler)* «международные (отношения)», но *dış işleri bakani* или даже *dışişleri bakanı* «министр иностранных дел» (буквально: «внешнелеский министр»).

Изложенный выше способ выражения относительного признака предмета или явления является одной из специфических черт турецкого языка, и было бы по меньшей мере ошибочно объяснять его с позиций русского или какого-либо другого, не родственного турецкому языку.

¹ Определение перед синтетическими словосочетаниями будет относиться к первому компоненту только в том случае, если вторым компонентом является слово, выполняющее служебную функцию.

Предпринятые до сего времени попытки установить наличие в турецких (в том числе и турецком) языках категории имен прилагательных на основе формальных признаков и смыслового содержания слов, рассматриваемых изолированно, не дали положительных результатов потому, что слова, взятые отдельно, вне связи, являются лишь «строительным материалом», значение же их раскрывается только в предложении, т. е. тогда, когда они вступают в синтаксическую связь друг с другом.

Конечно, формальный признак слова может служить предварительным условием отнесения его к той или иной части речи, но окончательно это устанавливается все-таки особенностью его синтаксической связи с другими словами.

Не касаясь здесь вопроса о наличии в турецком языке заимствованных слов, которые по формальным признакам могли бы быть отнесены к категории имен прилагательных относительных, мы скажем, что имена числительные порядковые могут рассматриваться как прилагательные относительные по формальному признаку. Окончательно это устанавливается все же особенностью синтаксической связи этих имен с определяемым. Несмотря на то, что порядковые числительные никакого представления о качественном признаке в сознании говорящего не вызывают, они сочетаются с определяемым аналитически. Такому способу сочетания способствует аффикс *-(i) nci* (*-inci*, *-uncu*, *-üncü*), присоединяемый к количественным числительным, который и превращает последние в прилагательные относительные. Благодаря этому аффиксу в определительных словосочетаниях устанавливается синтаксическая связь между порядковым числительным, как определением, и определяемым. Поскольку эта связь оказалась осуществленной посредством аффикса *-(i) nci*, аффикс *-ı (-si)* при определяемом оказался излишним. Именно благодаря наличию аффикса *-(i) nci* при определении связь оказывается не нарушенной и при перемещении компонентов определительных словосочетаний из атрибутивной связи в предикативную, например *beşinci mesele* «пятый вопрос» и *mesele beşinci* «вопрос — пятый» и т. п.

Что касается компонентов поссессивно-синтетических определительных словосочетаний, то они должны рассматриваться как имена существительные, так как оба они выражают конкретные понятия предметности и каждый из них может быть носителем и качественного, и относительного признака. Оформление аффиксом родительного падежа первого компонента таких словосочетаний, на наш взгляд, не имеет никакой связи с категорией определенности, как это многие полагают, так как аффикс родительного падежа служит лишь средством выражения принадлежности и может присоединяться к любому имени существительному, способному обладать тем, что означает второй компонент словосочетания, синтетически связанный с ним посредством аффикса *-ı (-si)*. Поэтому в турецком языке возможны как словосочетания *bu kadının robası* «платье этой женщины», так и *bir kadının robası* «платье какой-то женщины», и *her bir kadının robası* «платье любой женщины», и даже *kadının robası* «платье женщины».

В результате всего сказанного нам кажется, что морфологические признаки слов и их семантика, благодаря чему мы априори относим некоторую группу слов к категории прилагательных, окончательно этого вопроса не решают, а лишь способствуют разрешению его в синтаксическом плане.

Грамматическая природа слова как имени прилагательного окончательно проявляется в его способности передавать качественный или относительный признак в определенной формальной связи с определяемым.